

ФИЛОСОФИЯ XVIII СТОЛІТТЯ

Сергей Шевцов

СОБСТВЕННОСТЬ КАК ПРОЕКЦИЯ СВОБОДЫ И ОСНОВАНИЕ ПРАВА В УЧЕНИИ КАНТА

Стремительно актуализирующаяся проблема философии права со столь же нарастающей ясностью помещает кантовское учение о праве параллельно в два измерения. Это отчетливо выделяет критическая литература. Отфрид Хёффе в своей книге о Канте пишет, что, с одной стороны, последний с полным основанием относится к классикам политической мысли [Höffe 2007, S. 214], и вместе с тем «в истории политической мысли Нового времени он играет не столь значительную роль, как ранее его Гоббс, Локк, Руссо и Монтескье, а после него – Гегель, Маркс и Милль» [Höffe, 2007: S. 213]. Негативная оценка кантовского политического (и правового) учения, признает немецкий исследователь, широко распространена [ibid.]. Подобное мнение выражает и Ален Данкан Розен, признавая, что работы Канта по философии права некоторым образом уступают другим его работам [Rosen, 1993: p. 1]. Получил широкое распространение критический взгляд Х. Арендт на поздние работы Канта и ее отзыв, что Кант сам «не воспринимал их слишком серьезно» [Арендт, 2012: с. 18]. В защитниках кантовской философии недостатка нет, но наиболее распространенная модель их поведения – признать открыто, но бегло, наличие в кантовском учении о праве сторон, противоречащих современным представлениям о демократических и либеральных правовых нормах, и далее сосредоточиться на более привлекательных аспектах. Иногда же об этом учении вообще не упоминают, что само по себе показательно. Например, в своем учебнике «Philosophy of Law. An Introduction to Jurisprudence» Джеффри Мерфи и Джулс Коулмен хотя и посвящают кантовскому учению целый раздел, но не философии права, а его, права, моральному основанию [Murphy, Coleman, 1990: p. 70–82]. Далее рассматривается учение Канта о наказании и возмездии [ibid., p. 120–124], но о целостном кантовском правовом учении нет ни слова. Подобным образом в свое время поступил Карл Ясперс, посвятивший почти четверть своей работы о Канте его политической философии, но почти ничего не сказавший о его философии права [Ясперс, 2014].¹

© С. Шевцов, 2015

¹ При этом надо иметь в виду, что авторы специальных работ о Кантовой философии права оценивают последнюю и ее влияние различным образом. Учитывая их заинтересованность, следует относиться к подобным оценкам сдержанно.

Когда речь идет о мыслителе уровня Канта, у которого даже ошибки носят печать гениальности, такой тип поведения едва ли оправдан. И не только в силу естественно-понятной исторической ограниченности Канта, и столь же естественной ограниченности наших собственных сегодняшних представлений. В большей мере подобные моменты кантовского учения заслуживают внимания в силу того, что мысль Канта иногда оказывается видна отчетливее как раз там, где наши убеждения существенно расходятся с провозглашенными им нормами. В этой работе мы постараемся рассмотреть только один, но ключевой пункт кантовской правовой теории, лежащий в основе всего правоформирования – вопрос о первичном приобретении собственности.

«Только старческой слабостью Канта могу я объяснить все его учение о праве, это странное сплетение заблуждений, каждое из которых влечет за собой другое, – а равно и то, что он основывает право собственности на первом акте владения»² [Шопенгауэр, 1993: с. 434]. Резкий отзыв Шопенгауэра в адрес правового учения едва ли не самого почитаемого им философа хорошо известен и неоднократно³ рассмотрен. И все же присмотримся к сути упрека. Шопенгауэр в § 62 первого тома «Мира как воли и представления» противопоставляет свое, основанное на понятии воли, правовое учение кантовскому. Право, по Шопенгауэру, есть лишь отрицание не-права (*Das Unrecht*)⁴, явления (действия) изначального⁵, предполагающего «те свойства деяний индивида, в силу которых он так далеко распространяет утверждение воли, проявляющейся в его теле, что оно становится отрицанием воли, проявляющейся в других телах»⁶ [ibid., с. 437]. Право и не-право – только моральные определения, но именно они оказываются основой государственного договора и позитивного законодательства. Цель государственного договора – чисто эгоистическая, избавить всех от страдания, приносимого не-правом. Соответственно, считает Шопенгауэр, Кант неверно выводил создание государства из категорического императива как моральную обязанность [ibid., с. 443]. Неверно также утверждение

² «Nur aus Kants Altersschwäche ist mir seine ganze Rechtslehre, als eine sonderbare Verflechtung einander herbeiziehender Irrthümer, und auch dieses erklärlich, daß er das Eigenthumsrecht durch erste Besitzergreifung begründen will» [Schopenhauer, 1977: S. 419].

³ Но обычно – крайне бегло. См., напр.: [Höffe, 2007: S. 213]. Российский философ Эрик Соловьев в замечательной книге о философии права Канта ограничивается лишь упоминанием того, что Шопенгауэр охарактеризовал «Rechtslehre» как «очень плохую книгу», в которой нет ничего, кроме «удивительного сплетения взаимообусловленных заблуждений» [Соловьев, 2005: с. 149]. К слову, сам Соловьев вопрос о начале права в кантовском учении не рассматривает вообще.

⁴ «Der Begriff *Recht* enthält nämlich bloß die Negation des Unrechts, und ihm wird jede Handlung subsumirt, welche nicht Ueberschreitung der oben dargestellten Gränze, d.h. nicht Verneinung des fremden Willens, zur starkem Bejahung des eigenen, ist (Ибо понятие права содержит только отрицание не-права, и под него подводится всякое деяние, которое не представляет собой переход за вышеуказанную границу, т.е. не есть отрицание чужой воли ради более решительного утверждения своей)» [Schopenhauer 1977, S. 422; Шопенгауэр, 1993: с. 437].

⁵ «...ist der Begriff *Unrecht* der ursprüngliche und positive: der ihm entgegengesetzte des *Rechts* ist der abgeleitete und negative (...понятие не-права исконно и позитивно, а противоположное ему понятие *права* производно и негативно)» [Schopenhauer, 1977: S. 422; Шопенгауэр 1993: с. 437].

⁶ «...die Beschaffenheit der Handlung eines Individuums, in welcher es die Bejahung des in seinem Leben erscheinenden Willens soweit ausdehnt, daß solche zur Verneinung des in fremden Leibern erscheinenden Willens wird» [Schopenhauer, 1977: S. 422].

Канта, что вне государства не существует полного права собственности – собственность существует и в естественном состоянии, и это право нарушить нельзя, не совершая не-права. Государство, согласно Шопенгауэру, призвано устранять (в пределах возможного) всякое не-право, но само оно чуждо всякой морали, действуя исключительно в рамках позитивного законодательства. Такое положение дел дает возможность индивиду (или индивидам) выступать против государства в том случае, если оно само начинает творить не-право, то есть отрицает волю, проявляющуюся в телах ее граждан. Кант, как известно, отрицал право на восстание⁷, Шопенгауэр, напротив, его признает. Он согласен с Кантом (и считает это очевидным), что только в рамках государства возможно уголовное право, но целью последнего, в отличие от Канта, он провозглашает не воздаяние ради воздаяния как такового, а устрашение, то есть предотвращение совершения не-права [Шопенгауэр, 1993: с. 445–446].

Таким образом, ключевым вопросом для обеих теорий оказывается вопрос о пределах собственности и основаниях ее приобретения, так как все последующее обоснование права выводится из первоначального правового акта. По Канту, основанием приобретения собственности вне тела является (при исходном состоянии) захват ничейной земли. Шопенгауэр, как видно из приведенной в начале цитаты, считает это основополагающим заблуждением Канта, противопоставляя ему в качестве изначальной собственности, которую нельзя отнять у человека, не совершая не-права, то, что обработано посредством применения сил.⁸ Простое изъяснение воли, считает Шопенгауэр, не может наделять правом [ее «владельца»]. Подлинное моральное право собственности изначальное зиждется на обработке вещи, для иллюстрации очевидности этого тезиса Шопенгауэр приводит соответствующее положение из древнего законодательства (законов Ману) [Шопенгауэр, 1993: с. 434].

Из отзыва Шопенгауэра можно сделать вывод, что он признает последовательность и строгость этого позднего кантовского учения⁹, но не приемлет его исходного тезиса. Впрочем, Шопенгауэра можно понять и так, что он, отдельно выделяя право первоначального приобретения собственности, видит в кантовском учении

⁷ Rechtslehre, 2 T., 1 Ab., § A. [Кант, 2014: С. 328–329]. – Произведения Канта цитируются мною по этому двуязычному изданию, причем «Метафизика нравов» (= [Кант, 2014]) в круглых скобках с указанием лишь аббревиатуры MS и номеров страниц (или параграфов), без фамилии автора и года опубликования. В номерах страниц первое, четное, число (в данном случае – 328) здесь и далее будет соответствовать номеру страницы немецкого текста, второе, нечетное – русского перевода. Эта нумерация относится и к статье Буркхарда Тушлинга, помещенной в том же собрании сочинений.

⁸ «...Существует только правовое *освоение, приобретение* вещи посредством приложения к ней собственных сил (ganz allein eine rechtliche *Aneignung, Besitzerwerbung* der Sache, durch Verwendung ursprünglich eigener Kräfte auf sie)» [Schopenhauer, 1977: S. 419; Шопенгауэр, 1993: С. 434–435]. Эта позиция близка той, которую занимал Джон Локк (пятая глава второго трактата о правлении), но у английского философа первоначальная собственность приобреталась при условии, что труд прилагался к ресурсам, находящимся в совместном владении, а размеры собственности ограничивались человеческими потребностями: человек «имел право только на то, что было необходимо для его потребностей, дабы эти продукты могли служить для обеспечения его жизни (had no right, farther than his use called for any of them, and they might serve to afford him conveniences of life)» [Locke, 1823: p. 360; Локк, 1988: С. 283]. Эта ситуация была нарушена после появления денег.

⁹ Напомню, что кантовское Rechtslehre – первая часть «Метафизики нравов» (Die Metaphysik der Sitten) – вышла в январе 1797 года (в апреле того же года Кант отметил свое семидесятилетие).

множество заблуждений, каждое из которых влечет другие¹⁰. Различие подходов к обоснованию первоначальной собственности последовательно определяет различие во взглядах на право, государство и его функции для обеих теорий. Так построена логика изложения теорий у обоих философов, но что действительно лежит в основании их позиций – это вопрос другой. Чтобы приблизиться к нему, нужно для начала внимательно рассмотреть, что понимается под собственностью. Если для Шопенгауэра это относительно ясно (индивидуальная воля и ее реализация в материи, поэтому – тело и далее опосредованно через применение физических сил внешние вещи¹¹), то в отношении Канта этот вопрос представляется куда более сложным.

Кант дает определение собственности как внешнего предмета, «который по своей субстанции есть чье-то Свое» того, «кому неотъемлемо принадлежат все права на эту вещь (как акциденции субстанции), которой собственник (*dominus*) может распоряжаться по своему усмотрению (*ius disponendi de re sua*)» (MS, с. 191)¹². Это определение, предлагаемое в самом конце первого раздела (MS, § 17), уже предполагает знакомство с понятием «Свое» (обобщенное для Мое и Твое), обоснованием возможности Моего и Твоего, а также обоснованием возможности права на вещь (Мое и Твое). Определение собственности не является исходным пунктом кантовского рассуждения, а лишь завершает обоснование появления права и самой его возможности.¹³

Как уже отмечалось, и само кантовское учение о праве, и характер его изложения вызывали серьезные затруднения при его усвоении, а потому – неоднозначные оценки и частую критику (иногда – весьма резкую). Настороженное отношение к кантовскому обоснованию права можно прочесть уже сквозь сдержанность его изложения Куно Фишером [Фишер, 1906], где автор ограничивается пересказом основных положений и тщательно обходит рассмотрение проблем. Даже Эрнст Кассирер, хотя и признает, что первая часть «Метафизики нравов» («Метафизические первоначала учения о праве», 1797) – «последняя работа, еще полностью относящаяся по своему характеру к числу великих систематических произведений», вместе с тем отмечает, что изложенное в ней учение о частном праве (интересующее нас прежде всего, так как в его рамках получает обоснование собственность и само право) «несвободна от... все более проступающей черты схематизма, в который насильственно вводятся и которому подчиняются отдельные конкретные вопросы» [Кассирер, 1997: с. 356].

Основная трудность понимания кантовского учения о праве вращается вокруг нескольких базовых положений: в основании любого гражданского устройства находится правовой закон природы (в определенном отношении он же – закон свободы), и

¹⁰ Это второе понимание представляется мне более вероятным из текста «Мира как воли и представления».

¹¹ «Das moralisch begründete Eigentumsrecht, wie es oben abgeleitet ist, gibt, seiner Natur nach, dem Besitzer eine eben so uneingeschränkte Macht über die Sache, wie die ist, welche er über seinen eigenen Leib hat (Морально обоснованное право собственности, выведенное нами выше, дает в силу самой своей природы владельцу вещи такую же неограниченную власть над ней, как и над своим собственным телом)» [Schopenhauer, 1977: S. 420; Шопенгауэр, 1993: с. 435]

¹² Точное определение у Канта звучит так: «Der äußere Gegenstand, welcher der Substanz nach das Seine von jemanden ist, ist dessen *Eigentum* (*dominium*), welchem alle Rechte in dieser Sache (wie Akzidenzen der Substanz) inhärieren, über welche also der Eigentümer (*dominus*) nach Belieben verfügen kann (*ius disponendi de re sua*)» (MS, § 17).

¹³ Определенная парадоксальность такой структуры рассуждений Канта неоднократно отмечалась. См., напр.: [Höffe, 2007: S. 225].

этому закону подчинено любое внешнее приобретение (MS, с. 172–173); соответственно, приобретение должно быть выведено из чистого практического в правовом отношении разума (MS, §§ 7, 15, 17)¹⁴; таким образом, собственность оказывается первым шагом для уяснения права, поэтому собственность (Свое) следует выразить с математической точностью (MS, с. 96–97). Возможно ли это? Этому препятствует тот факт, что Свое (как и вообще чистые понятия права) не может быть выведено из понятия свободы; см.: (MS, с. 140–141) и [Тушлинг, 2014: с. 490–493].

Последнее противоречие при достаточно вольном толковании можно сформулировать иначе: право (в строгом смысле, как понимал его Кант) предполагает принуждение, но его функция – осуществление свободы, а потому требуется вывести необходимость принуждения из факта свободы (свобода же – «изначальное право, присущее каждому человеку» (MS, с. 109)). Если это удастся сделать Канту для морали, и решение задачи предстает в свободном принуждении себя следовать моральному закону – что только и делает человека человеком и выражено в категории долга, – то представить это во внешней деятельности гораздо сложнее, так как здесь возникает гетерономность, обычно присущая Гегелевской философии, но неприемлемая для Канта – гетерономность внутреннего и внешнего: проявление свободы вовне остается внутренним долгом разумного существа, а обязанность каждого признавать право такого проявления свободы со стороны другого относится всецело к внешней области.

Кант ставит задачу вывести право всецело из понятия. Это обусловлено тем, что предметы чистых понятий разума, в отличие от чистых понятий рассудка, сверхчувственны, по сути они – ноумены, и не связаны с чувственным созерцанием. Соответственно, право не может быть выведено из области чувственного, остается единственный путь – дедуцировать его из понятия. Строгость рассуждений Канта при решении этой задачи блистательно раскрыта Буркхардом Тушлингом [Тушлинг, 2014]. Особое внимание он уделяет различению понятий и строгости их дедукции. Трудности возникают с самого начала. «Теоретическая дедукция чистых практических понятий разума и основоположений права, – комментирует Канта немецкий исследователь, – невозможна, причем невозможна она потому, что “понятие свободы, на котором покоятся эти принципы, не допускает теоретической дедукции своей возможности и может быть выведено только из практического закона разума (из категорического императива) как из факта разума”¹⁵» [ibid., с. 490–493]. Но в строго логическом смысле право из категорического императива тоже не может быть выведено [ibid., с. 532–533]. Тушлинг показывает, что решение этой задачи для Канта оказывается возможным благодаря обращению того метода, который позволяет в теоретической философии дедуцировать объективные понятия и возможность синтетических суждений: за счет синтетического расширения разума его же собственными силами [ibid., с. 524–525]. Кант неоднократно указывает на необходимость осуществления этого расширения, выделяет его обоснование как единственного условия выведения отсюда других понятий, в особенности важнейшего для Канта

¹⁴ «Nun ist noch nötig die Erwerbung selbst, d. i. das äußere Mein und Dein... nach dem, was sein Begriff enthält, aus den Prinzipien des reinen rechtlich-praktischen Vernunft zu entwickeln (Теперь необходимо вывести еще само приобретение, т.е. Мое и Твое во внешнем смысле... в соответствии с тем, что содержится в его понятии, из принципов чистого практического в правовом отношении разума)» (MS, С. 184–185).

¹⁵ (MS, с. 140–141).

понятия «интеллигибельного владения» (MS, §§ 2, 4-6, 7, 8, 14-17). Это синтетическое расширение разума отличает «практический в правовом отношении разум» от «морально-практического разума», тем самым право оказывается обосновано независимо от этики.¹⁶ Суть расширения заключена в устранении всех условий созерцания, обосновывающих эмпирическое владение, в том числе и созерцаний a priori.¹⁷ Это расширение выступает также обоснованием правового постулата практического разума¹⁸ – первого «закона права» из понятия, первого и фундаментального закона природы, основного закона естественного права, основания дедукции всякого права вообще [Тушлинг 2014, с. 546–547].

Тушлинг обстоятельно раскрывает «анатомию» кантовской мысли, но при установке не выходит за пределы того, что сказал Кант, преодолеть пропасть между приобретением чего-либо по своему произволению¹⁹ в собственность и обязанностью других признавать этот предмет Моим ему не удастся. Не удастся потому, что у самого Канта не везде и не всегда переходы от одного состояния или понятия к другому обозначены с математической точностью. И самое обстоятельное рассмотрение синтетического расширения разума не в состоянии раскрыть наличие связи там, где Кант этого не сделал.

В самом общем виде, с учетом заявленной в данной статье проблемы, учение Канта о праве (точнее, о его основании) может быть представлено следующим образом. Изначальное необходимое условие для возникновения чего-либо правового – общность земли (территории) (MS, с. 157, 169, 173, 181). Для того, чтобы стало возможным эмпирическое приобретение, ему должно предшествовать интеллектуальное вступление во владение. Кант вводит здесь различие умпостигаемого владения и владения эмпирического, считая первое более важным. Если ограничиться исключительно эмпирическим владением, то земля будет переходить из рук в руки по праву сильного, что Кант вообще не считает правом (MS, §§ 2, 4-5).²⁰ Умпостигаемое владение не допускает теоретической дедукции своей возможности (§ 6), но эта возможность даже не столько возникает, сколько открывается в результате синтетического расширения разума, то есть отказа от всех условий созерцания, что

¹⁶ Эту задачу Кант формулирует еще во Введении: (MS, с. 92–93).

¹⁷ «...alle Bedingungen der Anschauung, welche den empirischen Besitz begründen, müssen *weggeschafft* (von ihnen abgesehen) werden, um den Begriff des Besitzes über den empirischen hinaus zu *erweitern* und sagen zu können: ein jeder äußere Gegenstand der Willkür kann zu dem rechtlich Meinen gezählt werden, den ich (und auch nur so fern ich ihn) in meiner Gewalt habe, ohne im Besitz desselben zu sein (...все условия созерцания, обосновывающие эмпирическое владение, должны быть *устранены* (от них следует отвлечься), чтобы можно было *расширить* понятие владения за пределы эмпирического и сказать: каждый внешний предмет произволения, который (а также лишь поскольку я имею его) в моей власти, может быть причислен к [сфере] Моего в правовом отношении, пусть он и не находится в моем владении)» (MS, с. 138–139).

¹⁸ «Es ist möglich, einen jeden äußern Gegenstand meiner Willkür als das Meine zu haben; d. i.: eine Maxime, nach welcher, wenn sie Gesetz würde, ein Gegenstand der Willkür *an sich* (objectiv) *herrenlos* (*res nullius*) werden müßte, ist rechtswidrig (Можно всякий внешний предмет моего произволения иметь в качестве Моего; это означает, что максима, согласно которой, если бы она была законом, какой-нибудь предмет произволения *сам по себе* (объективно) должен был бы стать *бесхозным* (*res nullius*), противна праву)» (MS, с. 124–125).

¹⁹ Здесь существенно отличие произволения (Willkür) от желания (Wunsch) как, соответственно, сознание способности совершать поступки от чистой потребности (MS, с. 86–87; ср.: MS, с. 40–41).

²⁰ Здесь возникает прирек Гоббсовой *bellum omnium contra omnes* (войны всех против всех).

ведет к расширению понятия владения за пределы эмпирического (MS, с. 138–139). Обоснование права разворачивается из синтетического расширения разума, позволяющего прийти к формуле правового постулата, приведенного в § 2.²¹ Постулат декларирует возможность владения внешними вещами [Тушлинг, 2014: с. 610–611]. Постулат дает нам правомочие возлагать на других обязанность воздерживаться от употребления того, что стало Моим (MS, с. 126–129). Первичным актом обретения собственности является воля, правовым актом – захват, завладение, *occupatio* (MS, с. 170–171). Но это лишь предварительное владение. Оно становится окончательным и в полной мере правовым, когда всеобщая воля утвердит это завладение и обяжет всех воздерживаться от употребления того, что стало Моим, то есть только в гражданском (правовом) обществе.

В этом рассуждении Канта можно выделить несколько моментов, как минимум, требующих разъяснения. Перечислим их. Во-первых, вызывает сомнение строгость выведения из синтетического расширения практического разума правового постулата. Во-вторых, не кажется строгим переход от акта выражения своего произволения владеть чем-либо к обязанности других признавать это в качестве моей собственности, и ни одна из формулировок правового постулата не может обеспечить необходимую строгость такого вывода. Наконец, в-третьих, захват как форма действительно изначального обретения собственности.

Постараемся внести ясность в обозначенные моменты в обратной последовательности. При внимательном рассмотрении оказывается, что второй и третий пункт связаны почти неразделимо. Несомненно, что в отношении захвата Кант отталкивается от Руссо, но меняет оценку. В начале второй части «Рассуждения о происхождении неравенства» Руссо, как известно, называет основателем гражданского общества того, кто первым оградил участок земли, провозгласив его своим.²² Кант принимает этот тезис, но относится к нему иначе: Руссо видел в этом факте начало едва ли не всех бед и несправедливостей человечества²³, для Канта это право- и закономерный шаг на пути развития общества. Правомерность такого действия человека Кант, возможно, извлекает из следующего тезиса «Рассуждений» Руссо, который немецкий философ тоже целиком принимает: «...это понятие – “собственность”, зависящее от многих понятий, ему предшествовавших, которые могли возникнуть лишь постепенно, не сразу сложилось в человеческом уме» [Руссо, 1998: с. 106]²⁴. Вероят-

²¹ Кант использует несколько вариаций формулы правового постулата (MS, с. 124, 126, 138, 140). Первоначальная форма правового постулата приведена в сноске 17.

²² «Le premier qui ayant enclous un terrain, s’avisait de dire, *ceci est à moi*, & trouva des gens assez simples pour le croire, fut le vrai fondateur de la société civile (Первый, кто, оградив участок земли, придумал заявить: «Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества)» [Rousseau 1755, p. 95; Руссо 1998, с. 106]. Французский текст Руссо дается по изданию 1755 года, каким его читал И. Кант. Орфография оригинала сохранена, изменено лишь написание некоторых букв на современное.

²³ «Que de crimes, de guerres, de meurtres, que de misères & d’horreurs n’eût point épargnés au Genre-humain celui qui arrachant les pieux ou comblant le fossé, eût crié à ses semblables : Gardez-vous d’écouter cet imposteur; Vous êtes perdus, si vous oubliez que les fruits sont à tous; & que la Terre n’est à personne! (От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберечь бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: «Остерегайтесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли – для всех, а сама она – ничья!»)» [Rousseau, 1755: p. 95; Руссо, 1998: с. 106].

²⁴ «...car cette idée de propriété, dependant de beaucoup d’idées antérieures qu’on n’a pu naître que successivement, ne se forma pas tout d’un coup dans l’esprit humain...» [Rousseau, 1755: с. 95–96].

но, эта идея Руссо послужила Канту отправным моментом для различения умопостигаемого и эмпирического владения, при этом, как отмечалось выше, основание собственности и права Кант видел именно в умопостигаемом владении.

Итак, действительно ли в основании собственности Кант кладет захват ничейной земли? Ответ однозначен: нет, не так. Кант выделяет три последовательных момента изначального приобретения (общность владения предполагается как изначальное условие): 1) захват никому не принадлежащего предмета, 2) объявление о владении этим предметом, 3) присвоение (MS, с. 158–159). Под «захватом» (Apprehension) Кант, по всей видимости, подразумевает исключительно физическое действие – оно совершается в пространстве и времени. Само по себе оно никаких прав никому не дает и ни на кого обязательства возложить не может. В этом смысле его надо отличать от «завладения» (Bemächtigung, occupatio), означающего соединение всех трех моментов (MS, § 14). Для Канта обработка земли (придание ей формы, Formgebung) без идеи собственности не дает никакого правооснования для ее приобретения, ведет к потере усилий и труда, так как является акциденцией (привходящим свойством) по отношению к субстанции (земле) (MS, с. 186–187). Кроме того, такое действие сводится к эмпирическому владению, то есть к «праву сильного», иначе говоря, бесправно. Идея собственности возникает на основании акта завладения, а не захвата или обработки. Кант тщательно продумывает последовательность, этим, вероятно, объясняется его неоднократное возвращение ко всей проблеме и ее отдельным частям; из этого же хода рассуждений у Канта вытекает и возникновение обязанности других, и тезис об отсутствии права при революции.

Исходный тезис этого фрагмента теории – общее владение землей. Все люди находятся в совместном владении землей земного шара (MS, с. 180–181), это изначальное совместное владение (communio possessionis originaria) (MS, с. 168–169), но эту общность владения следует отличать от первобытной общности, основывающейся только на истории, а не на принципах разума (MS, с. 156–159), понятия вымышленного, недоказуемого (MS, с. 168–169). Все пространство земли условно разделено на количество живущих на ней людей. Поэтому завладение с внешней точки зрения – просто формализация этого своего владения, отсюда ее этапы – огораживание (захват), оглашение, присвоение. Здесь «присвоение (Zueignung, arprogratiatio)» – самый сложный для понимания термин. Кант характеризует его как «акт устанавливающий внешние всеобщие законы воли (в идее), которая объявляет каждого к согласию с моим произволением» (MS, с. 158–159).²⁵ Это присвоение оказывается возможным в силу наличия у людей общности воли к использованию этой земли (MS, с. 180–183). Суть заключается в том, что человек в процессе завладения как бы лишь реализует то, что ему дано изначальное, а потому все признают это его действие, ведь оно позволяет каждому действовать подобным образом. Вместе с тем, чрезвычайно важно, чтобы завладение было следствием одностороннего произволения²⁶. Кант признает, что нелегко постичь, как такой акт произволения может обосновать Свое для каждого (MS, с. 160–161), ведь одностороннее произволение не может обязать другого воздерживаться от употребления вещи (MS, с. 164–165; 172–173).

²⁵ «...Akt eines äußerlich allgemein gesetzgebenden Willens (in der Idee), durch welchen jedermann zur Einstimmung mit meiner Willkür verbunden wird» (MS, с. 158)

²⁶ «da eine ursprüngliche Erwerbung nur aus dem einseitigen Willen hervorgehen kann (изначальное же приобретение может происходить лишь из односторонней воли)» (MS, с. 160–161).

Только формально правовой постулат как позволяющий закон (*lex permissima*) «дает нам правомочие, которое мы вообще не могли бы вывести из одних только понятий о праве, а именно правомочие возлагать на других обязанность (в ином случае они бы ее не имели) воздерживаться от употребления тех или других предметов нашего произволения...» (MS, с. 126–129). По сути же, подобное ограничение действий другого и наложение на него обязанностей соблюдать неприкосновенность Моего осуществляется самим другим в силу того, что он и сам признает закон свободы и свою обязанность иметь нечто внешнее как Свое.²⁷ Рано или поздно все так и поступают, потому что владение землей в определенной мере обязанность (*Pflicht*) каждого (MS, с. 182–183). Хотя это приобретение является первоначальным и временным, но все же истинным (*wahr*) приобретением (MS, с. 174–175), окончательным оно становится только тогда, когда общество достигает гражданского состояния (*ibid.*). Временность этого приобретения оправдывает приоритет завладения во времени (MS, с. 170–171), а тот факт, что так поступают и остальные, реализуя этот принцип частного права, позволяет обществу перейти из естественного состояния в гражданское (MS, с. 174–175). Иначе говоря, предстающая в виде закона свободы человеческая природа обязывает каждого овладевать внешним предметом, а тем самым в лице общей воли позволять подобное приобретение собственности отдельному индивиду и принуждать как его самого, так и всякого другого, уважать и соблюдать его право на подобное приобретение. Собственность, по Канту, предстает как абсолютное веление разума [Тушлинг, 2014: с. 554–555], а правомочие обязывать другого к воздержанию от использования моей собственности самим категорическим императивом [*ibid.*, с. 552–553].²⁸ Все же нельзя сказать, что связь закона свободы с собственностью представлена в этом случае исчерпывающе полно, так как неясным остается выведение правового постулата из закона свободы.

Прежде чем обратиться к разъяснению этой связи, кратко вернемся к вопросу о революции. Надо признать: Кант действительно отказывает народу в праве на восстание против суверена.²⁹ К этой позиции Канта можно относиться различным образом, она заслуживает отдельного исследования, здесь же мы отметим только один момент. Для Канта, в отличие от Шопенгауэра, право носит формальный характер и не имеет

²⁷ Связь закона свободы с приобретением будет раскрыта ниже.

²⁸ Б. Тушлинг справедливо, на наш взгляд, толкует одну из формулировок правового постулата практического разума как категорический императив: «daß es Rechtspflicht sei, gegen andere so zu handeln, daß das Äußere (Brauchbare) auch das Seine von irgend jemanden werden könne (Правовая обязанность – поступать по отношению к другим так, чтобы внешнее (годное для употребления) могло стать для кого-то Своим)» (MS, с. 140–141).

²⁹ «Wider das gesetzgebende Oberhaupt des Staats gibt es also keinen rechtmäßigen Widerstand des Volks; denn nur durch Unterwerfung unter seinen allgemein-gesetzgebenden Willen ist ein rechtlicher Zustand möglich; also kein Recht des Aufstandes (*seditio*), noch weniger des *Aufbruchs* (*rebellio*), am allerwenigsten gegen ihn, als einzelne Person (*Monarch*), unter dem Verwände des Mißbrauchs seiner Gewalt (*tyrannis*), *Vergreifung* an seiner Person, ja an seinem Leben (*monarchomachismus sub specie tyrannidii*) (Итак, против законодательствующего главы государства нет правосоразмерного сопротивления народа, ведь правовое состояние возможно лишь через подчинение его воле, устанавливающей всеобщие законы; следовательно, нет никакого права на *возмущение* (*seditio*), еще в меньшей степени – на *восстание* (*rebellio*) против него и в наименьшей степени – права *посягать* на его особу как единоличного лица (*монарха*) и на его жизнь (*monarchomachismus sub specie tyrannidii*) под предлогом, что он злоупотребляет своей властью (*tyrannis*))» (MS, с. 328–329).

отношение к справедливости.³⁰ Поэтому право держится на свободной воле граждан, но в гражданском обществе эти многочисленные воли оказываются как бы завязаны в единый узел – фигуру законодательствующего правителя. При отсечении этого «узла», т.е. революции, люди разделяются на множество независимых волей, а потому право как таковое исчезает. Поэтому Кант далее отмечает, что в случае победы революции следует подчиниться новому порядку вещей, тем самым восстанавливая правовой порядок (MS, с. 336–337). Можно было бы сказать, что Кант рассматривает право как определенного рода централизованную структуру независимых элементов, поэтому при устранении центра такая структура неизбежно распадается, но на ее месте может быть образована новая из тех же элементов. Доказательствами этого могут служить тезис Канта о недопустимости карательной войны (*Strafkrieg*, *bellum punitivum*) (MS, с. 404–405) и тезис о том, что сюзерен имеет право объявлять войну (и тем самым вынуждать граждан воевать, рискуя жизнью) только из его долга перед народом³¹. Отметим, что в последнем из тезисов Кант в определенной мере противоречит тому, что он высказал ранее в связи с революцией: «властелин государства имеет в отношении подданных одни только права и никаких обязанностей» (MS, с. 325)³². Здесь, однако, на наш взгляд, следует видеть не столько противоречие, сколько изменение угла зрения: в первом случае Кант говорит об отношении сюзерена к народу, а во втором (в тексте – предшествующем) о должном отношении народа к сюзерену.

Остается последний и самый сложный вопрос о возможности вывести правовой постулат из синтетического расширения практического разума. Не повторяя уже сказанное, в отношении синтетического расширения практического разума следует отметить два момента: 1) это расширение отделяет право от этики [Тушлинг, 2014: с. 570–571], 2) основание на практическом разуме по существу означает основание на законе свободы.

Понятие свободы – несомненно ключевое понятие всего кантовского *Rechtslehre*. До Канта, пишет Тушлинг, ни у кого не могло быть и речи о дедукции и систематическом развитии права из понятия свободы [Тушлинг, 2014: с. 500–501]. В строгом смысле это действительно так, но все же Кант и здесь во многом следовал Руссо, который первый связал воедино внешнее законодательство и свободу.³³ Руссо представил эту связь как очевидную, Кант стремился ее логически формализовать. «Итак, всеобщий правовой закон гласит: поступай так, чтобы свободное проявление твоего произволения было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом» (MS, с. 89).³⁴ Таким образом, всеобщий правовой закон оказывается

³⁰ Точнее будет сказать, что, согласно Канту, право, каково бы оно ни было, и есть справедливость. Отсутствие справедливости – это естественное состояние (MS, с. 412–413).

³¹ «Wir werden also wohl dieses Recht von der *Pflicht* des Souveräns gegen das Volk (nicht umgekehrt) abzuleiten haben (Итак, мы должны будем вывести это право из долга сюзерена по отношению к народу (а не наоборот))» (MS, с. 402–403).

³² «...der Herrscher im Staat hat gegen den Untertan lauter Rechte und keine (Zwangs-) Pflichten» (MS, S. 324).

³³ «Si l'on recherche en quoi consiste précisément le plus grand bien de tous, qui doit être la fin de tout système de législation, on trouvera qu'il se réduit à deux objets principaux, la *liberté* et l'*égalité* (Если попытаться определить, в чем именно состоит то наибольшее благо всех, которое должно быть целью системы законов, то окажется, что оно сводится к двум главным вещам: *свободе* и *равенству*)» [Rousseau 1762, p. 111; Руссо 1998, с. 240–241].

³⁴ «Also ist das allgemeine Rechtsgesetz: handle äußerlich so, daß der freie Gebrauch deiner Willkür mit der Freiheit von jedermann nach einem allgemeinen Gesetze zusammen bestehen könne» (MS, с. 88).

собственно свободой, но свободой ограниченной, пока еще только в идее, границами свободы другого. Это ограничение позволит Канту, во-первых, представить свободу как право, а во-вторых, связать право с принуждением как преодолением сопротивления свободе.

Всеобщий правовой закон помещен Кантом в своего рода цепочку «проекций» понятия свободы: из него Кант разворачивает понятие изначального права³⁵, общее понятие права³⁶, из него – всеобщий принцип права³⁷, из него далее – всеобщий правовой закон³⁸, а после понятие строгого (принудительного) права³⁹. Перечисленные понятия, принцип, правовой закон не столько выводятся Кантом, сколько представляют каждый раз новую проекцию исходного ключевого понятия кантовского учения о праве – понятия свободы. Это мнение разделяет большая часть исследователей, наиболее обстоятельно это показывает Тушлинг [Тушлинг, 2014: с. 508–509].

Но в чем заключается понятие свободы и насколько все же правомерно представление свободы в столь своеобразном ракурсе. Тот же Руссо, с которым Кант здесь резко расходится, ценил свободу ничуть не меньше, но ему и в голову не могло прийти связать (а по сути – отождествить) свободу с собственностью. Ведь у Канта частная собственность предстает как абсолютное веление разума – Тушлинг совершенно закономерно именно так трактует правовой постулат [Тушлинг, 2014: с. 554–555], и в этом он ничуть не расходится с другими исследователями: внешняя свобода не может быть осуществлена без собственности, пишет О. Хёффе [Höffe, 2007: S. 225]. Да и сам Кант склонен рассматривать право на вещь как право лица в

³⁵ «*Freiheit* (Unabhängigkeit von eines anderen nötiger Willkür), sofern sie mit jedes anderen Freiheit nach einem allgemeinen Gesetz zusammen bestehen kann, ist dieses einzige, ursprüngliche, jedem Menschen, kraft seiner Menschheit, zustehende Recht (*Свобода*, (независимость от принуждающего произволения другого), поскольку она совместима со свободой каждого другого, сообразной со всеобщим законом, и есть это единственное изначальное право, присущее каждому человеку в силу его принадлежности к человеческому роду)» (MS, с. 106–109).

³⁶ «Das Recht ist also der Inbegriff der Bedingungen, unter denen die Willkür des einen mit der Willkür des andern nach einem allgemeinen Gesetze der Freiheit zusammen vereinigt werden kann (Итак, право – это совокупность условий, при которых произволение одного [лица] совместимо с произволением другого с точки зрения всеобщего закона свободы)» (MS, с. 88–89).

³⁷ «Eine jede Handlung ist *recht*, die oder nach deren Maxime die Freiheit der Willkür eines jeden mit jedermanns Freiheit nach einem allgemeinen Gesetze zusammen bestehen kann. (*Правым* является любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произволения каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом)» (ibid.).

³⁸ См. выше.

³⁹ Определение, которое Кант дает понятию строго права, улавливает лишь его формальные черты: «...das strikte Recht, nämlich das, dem nichts Ethisches beigemischt ist, dasjenige, welches keine andern Bestimmungsgründe der Willkür als bloß die äußern fordert (...строгое право, т.е. такое, к которому не примешивается ничего этического, – это право, не требующее никаких иных определяющих оснований произволения, кроме внешних)» (MS, с. 92–93); важнее присущее праву правомочие принуждать, раскрываемое именно в связи со строгим правом («...wenn ein gewisser Gebrauch der Freiheit selbst ein Hindernis der Freiheit nach allgemeinen Gesetzen (d.i. unrecht) ist, so ist der Zwang, der diesem entgegengesetzt wird, als *Verhinderung* eines *Hindernisses der Freiheit* mit der Freiheit nach allgemeinen Gesetzen zusammen stimmend, d.i. recht (...когда определенное употребление свободы само оказывается препятствием к свободе, сообразной со всеобщими законами (т.е. неправым), тогда направленное против такого употребления принуждение – как *то, что воспрепятствует препятствию для свободы* – совместимо со свободой, сообразной со всеобщими законами, т.е. бывает правым)» (MS, с. 90–91).

отношении себя самого (MS, с. 136–137). Но между понятием свободы и правовым постулатом в любой из его формулировок все же сложно поставить знак тождества и, неясно, как синтетическое расширение практического разума преодолевает их различие.

Чтобы уяснить ход мысли Канта, нужно начать с того, что он понимает под свободой. Это не простой вопрос. Тушлинг различает в «Учении о праве» четыре значения, измерения и функции свободы: 1) трансцендентальная свобода (абсолютная спонтанность причин), 2) отрицательное понятие свободы (независимость от чувственных побуждений), 3) положительное понятие свободы (способность чистого разума следовать категорическому императиву), 4) свобода как единственное изначальное право, присущее каждому человеку в силу его принадлежности к человеческому роду; см.: (MS, с. 106–109) и [Тушлинг, 2014: с. 494–497].

Ни одно из этих положений в чистом виде не может привести нас к необходимости собственности, хотя в определенной мере, если Кант остается последовательным, а я уверен, что это так, они все должны это предполагать. Ближе всего к правовому постулату оказывается третье из перечисленных значений и следует к нему присмотреться более внимательно. Кант понимает свободу произволения как произволения, ориентированного не по склонности (или чувственным побуждениям – это животное произволение), а чистым разумом. Именно тогда чистый разум оказывается для самого себя практическим. Суть этого действия в том, что в этом случае «максима любого поступка подчинена условию пригодности этой максимы в качестве всеобщего закона» (MS, с. 42–43). Здесь разум делает форму пригодности максимы произволения всеобщим законом. Буквально в следующем абзаце Кант отмечает еще одну примечательную черту: законы свободы, переведенные в практический план (в отличие от законов природы) называются моральными, а в той мере, в какой они касаются внешних поступков – законами юридическими (ibid.).

Теперь рассмотрим это в интересующей нас последовательности. Чистый разум, становится практическим при условии его побуждающего характера.⁴⁰ Это побуждение все еще носит формальный характер и не связано с каким-либо определенным объектом (иначе это были бы чувственные побуждения). Императивный характер такого разума связан с осознанием его наличия у всех людей, а потому он и должен стать всеобщим законом, т.е. необходимо осознание того факта, что и все остальные наделенные разумом существа будут действовать именно так – в силу наделенности их разумом. В этом смысле практический разум, в отличие от чистого разума, интенционален. Когда такой разум выступает основанием поступков, он предстает как этические законы. «Свобода, к которой имеют отношение юридические законы, может быть лишь свободой во внешнем употреблении; а та свобода, к которой имеют отношение вторые (этические. – С. III.) может быть свободой и во внешнем и во внутреннем употреблении произволения, поскольку оно определяется законами разума» (MS, с. 43).⁴¹

⁴⁰ Розен считает, что подход Канта здесь нарушает, как он выражается, дух свободы в «Критике чистого разума», где свобода – это свобода выбора [Rosen, 1993: p. 36]. С этим утверждением я согласиться не могу.

⁴¹ «Die Freiheit, auf die sich die erstern Gesetze beziehen, kann nur die Freiheit im äußeren Gebrauche, diejenige aber, auf die sich die letztere beziehen, die Freiheit sowohl im äußern als innern Gebrauche der Willkür sein, sofern sie durch Vernunftgesetze bestimmt wird» (MS, S. 42).

И все же остается неясным, почему действием свободы вовне оказывается именно приобретение. Как из всего сказанного следует правовой постулат («Es ist möglich, einen jeden äußern Gegenstand meiner Willkür als das Meine zu haben; d. i.: eine Maxime, nach welcher, wenn sie Gesetz würde, ein Gegenstand der Willkür *an sich* (objectiv) *herrenlos* (*res nullius*) werden müßte, ist rechtswidrig») (MS, S. 124)⁴²? А. Д. Розен указывает, что Кант прибегает для обоснования этого тезиса к аргументу *reduction ad absurdum*: при невозможности использовать вещи невозможна свобода воли каждого, предмет всегда остается ничьим (*res nullis*), что ведет к противоречию свободы самой себе [Rosen, 1993: p. 20]. С формальной стороны (безусловно важной для Канта) это действительно так, но все же это объясняет возможность использовать вещи, но не делать их своей собственностью. «...Для того, чтобы я мыслил что-то только как предмет своего произволения, мне достаточно осознать, что иметь его в моих силах. – Итак, это предположение а priori практического разума состоит в том, что необходимо рассматривать и трактовать всякий предмет моего произволения как объективно возможное Мое и Твое» (MS, S. 127)⁴³.

Вот предельная точка объяснений Канта, и в этой точке он принципиально расходится как со своим предшественником Руссо, ничего не имевшего против использования земли, но противившегося осмыслению участка земли как Своего, так и со своим последователем Шопенгауэром, не возражавшим против частной собственности на землю, но выводившей ее не из свободного произволения, а из процесса обработки. А Кант и дальше, давая номинальную дефиницию понятия Мое и Твое во внешнем смысле практически отождествляет собственность со свободой, правда, посредством усмотрения субъекта.⁴⁴

Нет смысла говорить о «стремлении» вещи быть присвоенной, она лишь *может* стать чьей-то, а потому первоисточник владения должен таиться в самом разуме. И вот теперь можно предположить то, чего Кант не написал, но что, как представляется, следует из его рассуждений: необходимым свойством свободы, а следовательно, и практического разума, кроме ее (его) интенциональности, является ее осуществимость во внешнем предметном мире. И если для Руссо свобода как раз предполагала отсутствие собственности, а собственность уничтожала свободу, если для Шопенгауэра свобода реализовывалась в обработке земли, то для Канта она необходимо предполагала осуществление в умозрительном владении, а через него – в физическом владении собственностью. Суть необходимости такого внешнего проявления заключается в механизме (категории) взаимовлияния

⁴² «Можно всякий внешний предмет моего произволения иметь в качестве Моего; это означает, что максима, согласно которой, если бы она была законом, какой-нибудь предмет произволения *сам по себе* (объективно) должен был бы стать *бесхозным* (*res nullius*), противна праву» (MS, с. 125).

⁴³ «Um... etwas bloß als Gegenstand meiner Willkür zu *denken*, ist hinreichend, mir bewußt zu sein, daß ich ihn in meiner Macht habe. – Also ist es eine Voraussetzung a priori der praktischen Vernunft, einen jeden Gegenstand meiner Willkür als objektiv-mögliches Mein oder Dein anzusehen und zu behandeln» (MS, S. 126).

⁴⁴ «Das äußere Meine ist dasjenige außer mir, an dessen mir beliebigen Gebrauch mich zu hindern Läsion (Abbruch an meiner Freiheit, die mit der Freiheit von Jedermann nach einem allgemeinen Gesetze zusammen bestehen kann) sein würde (Мое во внешнем смысле – это то из находящегося вне меня, препятствовать в употреблении чего означало бы, по моему усмотрению, нанести мне ущерб (ущемление моей свободы как совместимой со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом)» (MS, S. 132–133).

или взаимосвязи⁴⁵. Разум осуществляет свое развитие в качестве практического разума, реализуя себя в деятельности, а в правовом отношении – во внешней деятельности. Иначе говоря, разум, он же свобода, присутствует в каждом человеке лишь потенциально, для своей реализации он нуждается в практическом осуществлении вовне.

Это представляет кантовскую теорию с совершенно другой стороны. В рамках данной работы нет возможности раскрыть это в полной мере, но, несомненно, отпечаток этого кантовского взгляда на свободу можно найти в его статьях позднего периода, посвященных философии истории. Неоднократно отмечалось, что исторический прогресс, развитие способности пользоваться своим разумом, Кант выражает в правовых категориях. «История как прогресс права (Rechtsfortschritt)» – так характеризует кантовское учение о истории Хёффе [Höffe, 2007: S. 247 ff.]. Суть дела заключается в том, что гражданское общество выстраивается исключительно через отношения собственности, и само это общество – необходимое условие для развития в человеке его природных способностей. Кант характеризует эту задачу как «труднейшую из всех (die schwerste unter allen)» [Кант, 1994: с. 98–99], так как очень уж из кривого дерева сделан человек, поэтому мы можем лишь бесконечно приближаться к этой цели [ibid.]. Сделать это отдельный человек не в состоянии, только человеческий род [ibid., с. 84–85], поэтому-то «историю человеческого рода в целом можно рассматривать как осуществление тайного плана природы – привести внутреннее, а также нужное для этой цели внешнее совершенное государственное устройство в то единственное состояние, при котором могли бы полностью развиться все задатки [вложенные природой] в человечество» [ibid., с. 109, 111].⁴⁶

Обычно эта идея приписывается Гегелю. Это с его именем связывается представление о том, что «Личность содержит вообще правоспособность и составляет понятие и саму абстрактную основу абстрактного и потому формального права. Отсюда веление права гласит: будь лицом и уважай других в качестве лиц [Гегель, 1990: с. 98]⁴⁷. Но Гегель заимствует эту мысль в философии права Канта, только придавая ей характерную для себя оболочку.

«Лицо, – пишет Гегель, – должно дать себе внешнюю сферу своей свободы, чтобы быть как идея (Die Person muß sich eine äußere Sphäre ihrer Freiheit geben, um als Idee zu sein)» [ibid., с. 101; Hegel, 1979: S. 102]. Это положение он поясняет в *Прибавлении* (позднее изданных комплексах лекций): «Разумность собственности заключается не в удовлетворении потребностей, а в том, что снимается голая субъективность личности. Лишь в собственности лицо выступает как разум» [Гегель, 1990: с. 101]. Эта мысль звучит у Гегеля неоднократно: «Чтобы не остаться абстрактной, свободная воля должна прежде всего дать себе наличное бытие, и первым чувственным материалом этого наличного бытия суть вещи, другими словами, внешние предме-

⁴⁵ Представляется, что здесь уместно говорить о категории общения (Gemeinschaft) «Критики чистого разума».

⁴⁶ «Man kann die Geschichte der Menschengattung im Großen als die Vollziehung eines verborgenen Plans der Natur ansehen, um eine innerlich- und zu diesem Zwecke auch äußerlich-vollkommene Staatsverfassung zu bringen, als den einzigen Zustand, in welchem sie alle ihre Anlagen in der Menschheit völlig entwickeln kann» [Кант, 1994: S. 108, 109].

⁴⁷ «Die Persönlichkeit enthält überhaupt die Rechtsfähigkeit und macht den Begriff und die selbst abstrakte Grundlage des abstrakten und daher *formellen* Rechtes aus. Das Rechtsgebot ist daher: *sei eine Person und respektiere die anderen als Personen*» [Hegel, 1979: S. 94].

ты. Этот первый вид свободы есть тот, который мы узнаем как *собственность...*» [ibid., с. 94]. А также: «...Личность является основным определением права: она приобретает наличное бытие преимущественно в собственности...» [Гегель, 1993: с. 303].

Все это, как правильно отметил Эрих Соловьев, не более, чем импровизации на кантовские темы [Соловьев, 2005: с. 332]. Собственное учение Гегель развернет в третьей части своей «Философии права» («Нравственность»), где личность полностью будет подчинена государству, хотя и эту идею он также высмотрит у Канта («...только в роде, но не в индивидуе» [Кант, 1994: с. 84–85]), однако преобразит ее до неузнаваемости, даже до противоположности.

Эти положения Гегеля могут служить, конечно, только косвенным подкреплением изложенной выше гипотезы о наличии в понятии свободы у Канта направленности во внешний мир как необходимого условия ее осуществления, обретения ею своей сущности, своей действительности. Из этого следует также и тот факт, что не совсем верно понимать кантовскую философию права (как ее понимало, например, едва ли не большинство русских философов) как некий идеал, далеко отстоящий от действительности, как исключительно сферу должного. Кант выявляет природу права такой, как она есть (по его мнению), и причина расхождения исторической практики с этой теорией только в том, что идея свободы не овладела еще полностью большинством живущих на земле представителей человеческого рода, у них все еще не хватает мужества пользоваться своим разумом. И им должно этому учиться. С этим последним тезисом трудно не согласиться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт (2012): Арендт, Х. Лекции по политической философии Канта. СПб.: Наука, 2012, 303 с.
- Гегель (1990): Гегель, Г.В.Ф. Философия права. Москва: Мысль, 1990, 524 с.
- Кант (1994): Кант, И. «Трактаты и статьи (1784–1796)». В: *Кант, И. Сочинения на немецком и русском языках*. Москва: Ками, 1993, Т. I., 586 с.
- Кант (2014): Кант, И. «Метафизика нравов». Ч. 1. В: *Кант, И. Сочинения...* Под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. Москва: Канон+, Реабилитация, 2014, Т.V, 1120 с.
- Кассирер (1997): Кассирер, Э. Жизнь и учение Канта. СПб.: Университетская книга, 1997, 447 с.
- Локк (1988): Локк, Д. «Два трактата о правлении». В: *Локк, Д. Соч. в 3-х тт.* Москва: Мысль, 1988, Т. 3, С. 135–405.
- Руссо (1998): Руссо, Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. Москва: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998, 416 с.
- Соловьев (2005): Соловьев, Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. Москва: Прогресс-Традиция, 2005, 416 с.
- Тушлинг (2014): Тушлинг, Б. «Право из понятия». В: *Кант, И. Метафизика нравов. Ч. 1...*, 2014, С. 476–721.
- Фишер (1906): Фишер, К. «Иммануил Кант и его учение». Ч. II. В: *Фишер, К. История новой философии*. СПб., 1906, Т. 5, 656 с.
- Шопенгауэр (1993): Шопенгауэр, А. «Мир как воля и представление». В: *Шопенгауэр, А. О четвероюм корне... Мир как воля и представление*. Москва: Наука, 1993, Т. 1, С. 125–608.
- Ясперс (2014): Ясперс, К. Кант: жизнь, труды, влияние. Москва: Канон, 2014, 416 с.
- Hegel (1979): Hegel, G.W.F. «Grundlinien der Philosophie des Rechts». In: *Hegel, G.W.F. Werke*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1979, Band 7, 513 S.
- Höffe (2007): Höffe, O. Immanuel Kant. Berlin: Beck, 2007, 348 S.

- Locke (1823): Locke, J. «Two Treatises of Government» In: *Works of John Locke*. London, 1823, Vol. V, P. 207–485.
- Murphy, Coleman (1990): Murphy, J.G., Coleman, J.L. *Philosophy of Law. An Introduction to Jurisprudence*. Boulder: Westview Press, 1990, (xvi) 240 p.
- Rosen (1993): Rosen, A.D. *Kant's Theory of Justice*. Ithaca and London: Cornell UP, 1993, 237 p.
- Rousseau (1755): Rousseau, J.-J. *Discours sur l'origine et les fondemens de l'inégalité parmi les hommes*. Amsterdam: M.M. Rey, 1755, 262 p.
- Rousseau (1762): Rousseau, J.-J. *Du Contrat social; ou, Principes du droit politique*. Amsterdam: M.M. Rey, 1762, 324 p.
- Schopenhauer (1777): Schopenhauer, «A. Die Welt als Wille und Vorstellung». In: *Schopenhauer, A. Zürcher Ausgabe. Werke in zehn Bänden*. Zürich: Diogenes, 1977, Band 1, 651 S.

Стаття отримана редакцією 06.04.2015

REFERENCES

- Arendt, H. *Lectures on Kant's Political Philosophy*. [In Russian]. Saint Petersburg: Nauka, 2012, 303 p. [= Арндт, 2012]
- Cassirer, E. *Kant's life and teachings*. [In Russian]. Saint Petersburg: University Book, 1997, 447 p. [= Кассирер, 1997]
- Fischer, K. "Immanuel Kant and his teachings". Part II. [In Russian]. In: Fisher, K. *History of Modern Philosophy*. Saint Petersburg, 1906, T. 5, 656 p. [= Фишер, 1906]
- Hegel, G.W.F. „Grundlinien der Philosophie des Rechts“. In: *Hegel, G.W.F. Werke*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1979, Band 7, 513 S. [= Гегель, 1979]
- Hegel, G.W.F. *Philosophy of Law*. [In Russian]. Moscow: Mysl, 1990, 524 p. [= Гегель, 1990]
- Höffe, O. *Immanuel Kant*. Berlin: Beck, 2007, 348 S. [= Хёффе, 2007]
- Jaspers, K. *Kant: life, work, impact*. [In Russian]. Moscow: Kanon, 2014, 416 p. [= Ясперс, 2014]
- Kant, I. "Treatises and articles (1784–1796)". [In Russian & German]. In: *Kant, I. Works in German and Russian languages*. Moscow: Kami, 1993, V. I., 586 p. [= Кант, 1993]
- Kant, I. "Metaphysics of Morals". Part 1. [In Russian & German]. In: *Kant I. Works...* Moscow: Kanon+, Rehabilitation, 2014, T. V, 1120 p. [= Кант, 2014]
- Locke, J. «Two Treatises of Government». In: *Locke, J. Works*. London: T. Tegg, 1823, Vol. V, P. 207–485. [= Locke, 1823]
- Locke, J. "Two Treatises of Government". [In Russian]. In: *Locke, J. Works...* in 3 vol. Moscow: Mysl, 1988, Vol. 3, P. 135–405. [= Локк, 1988]
- Murphy, J.G., Coleman, J.L. *Philosophy of Law. An Introduction to Jurisprudence*. Boulder: Westview Press, 1990, (xvi) 240 p. [= Murphy, Coleman, 1990]
- Rosen, A.D. *Kant's Theory of Justice*. Ithaca and London: Cornell UP, 1993, 237 p. [= Rosen, 1993]
- Rousseau, J.-J. *Discours sur l'origine et les fondemens de l'inégalité parmi les hommes*. Amsterdam: M.M. Rey, 1755, 262 p. [= Rousseau, 1755]
- Rousseau, J.-J. *Du Contrat social; ou, Principes du droit politique*. Amsterdam: M.M. Rey, 1762, 324 p. [= Rousseau, 1762]
- Rousseau, J.-J. *Of the Social Contract. Treatises*. [In Russian]. Moscow: Kanon-press, Kuchkovo Pole, 1998, 416 p. [= Рюcco, 1998]
- Schopenhauer, A. „Die Welt als Wille und Vorstellung“. In: *Schopenhauer, A. Zürcher Ausgabe. Werke in zehn Bänden*. Zürich: Diogenes, 1977, Band 1, 651 S. [= Schopenhauer, 1977]
- Schopenhauer, A. "The World as Will and Representation". [In Russian]. In: Schopenhauer, A. *On the Fourfold Root of the Principle of Sufficient Reason... The World as Will and Representation*. Moscow: Nauka, 1993, V. 1, P. 125–608. [= Шопенгауэр, 1993]
- Solovyov, E.Y. *The categorical imperative of morality and of law*. [In Russian]. Moscow: Progress-Tradition, 2005, 416 p. [= Соловьев, 2005]

Tuschling, B. «Right from the concept». [In Russian]. In: *Kant, I. Metaphysics of Morals*. Part 1 ... 2014, P. 476–721. [= Тушлинг, 2014]

Received 06.04.2015

Sergii Shevtsov

**Property as the Projection of Freedom and the Basis of Law
in Kant's Doctrine**

The article is focused on Kant's theory of law. Kant strives to deduce it from the concept of freedom, but the material basis of law is property. Law and property appear as projections of freedom. The author substantiates the idea that the theory of law on this base became possible thanks to Kant's special concept of freedom: the subject's freedom as the law of reason is directed at the external world and requires its realization — first of all, in a plot of land. These special concepts of freedom and property cause the characteristic features of Kant's theory of law which has evoked a lot of controversies.

Sergii Shevtsov, doctor of sciences in philosophy, associated professor of I. Mechnikov Odessa National University.

Сергій Шевцов, д. філос. н., доцент Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова.

Сергей Шевцов, д. филос. н., доцент Одесского национального университета им. И. И. Мечникова.

e-mail: sergiishevtsov@gmail.com
